УДК 130.2

Иванова Антонина Владимировна

**аспирант кафедры философии
Омского государственного
педагогического университета
dom-hors@mail.ru**

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА КНИГИ

Аннотация:
Статья посвящена символическому модусу бытия книги в исторической и конкретно единичной семантике. Символическое восприятие книги выражает изменение в культурной парадигме. Символический модус бытия книги представлен в метафорах, которые имеют различные основания подобия книжной формы или текста. В связи с этим автор приходит к выводу о том, что колебания в символическом модусе порождают соответственно классические и неклассические метафоры. Оба типа метафор обладают сходной семантикой, позволяющей книге быть тождественной самой себе.

Ключевые слова:
книга, символический модус, метафора, текст, кодекс, свиток, электронная книга, мир как книга, сфера, книга песка.

Ivanova Antonina Vladimirovna

**PhD student of
the Philosophy Department,
Omsk State Pedagogical University
dom-hors@mail.ru**

ONTOLOGICAL SEMANTICS OF A BOOK

Summary:
The article considers symbolic modus of a book's being explicated in its historic and specific semantics. The symbolic perception of a book conveys transformations in the cultural paradigm. The symbolic modus of the book's being is represented in the metaphors that have different sources of likeness: book form or text. In this regard the author concludes that the variations of symbolic modus determine accordingly classical and non-classical metaphors. Both types of the metaphors have similar semantics, which allows the book to be self-identical.

Keywords:
book, symbolic modus, metaphor, text, codex, scroll, e-book, universe as a book, sphere, book of sand.

Книга в символическом модусе имеет свойства знаковости, которые выражаются в ее общей исторической и конкретно единичной семантике. Книга может характеризовать отдельного индивида и определять культуру в целом настолько, насколько один человек наделяет отдельную книгу эмоциональным и рациональным смыслом и общество расценивает ее роль в своей жизни, признавая или отрицая ее ценность и авторитет. Значимым и, в конечном счете, судьбоносным для книги является отношение к ней данного общества и культуры. Ментальность выделяет ей нишу, в пределах которой она будет функционировать до тех пор, пока не изменится культурная ситуация. «Психологическая атмосфера» вокруг книги непостоянна, нестабильна, и все колебания в культуре сказываются на ней в первую очередь, она рефлективно запечатлевает все превращения. Семиотическая теория, изучающая знаковую природу культуры, устанавливает закономерность, при которой «смена культур обычно сопровождается резким повышением семиотичности поведения» [1, с. 486]. Ломка культурной парадигмы осуществляется совместно с поиском новых форм для выражения обретаемых ценностных смыслов и выстраивания, их оправдания. Малозаметные изменения в семантике отдельного культурного явления позволяют предсказать потенциальные пертурбации в целой системе культуры. Едва уловимые дополнения или оттенки в знаковой составляющей культурного артефакта свидетельствуют о надвигающихся переменах в интеллектуальной сфере, в социокультурной среде, и, наконец, в культурной эпохе в целом, позволяя как раз определить ее завершение и начало, разграничивать эти культурные эпохи. Одним из условных разделений культурных эпох считается маркер книги. Этапы культуры органично укладываются и описываются в исторических рамках, отмечающих точки появление книги и ее трансформаций. Всякому изменению в облике книги предшествовало изменение в грамматике мышления данной культуры, которое сначала потаенно выражается в символическом ее восприятии. Уподобление книги другому или другого служит своеобразным критерием культурной ассимиляции вещей и явлений. В культуре складывается устойчивая традиция ее метафоричности. Она, в силу своей знаковой природы, подвержена тем же изменениям, которые претерпевает сама культура. Метафоры книги многочисленны и постоянно развиваются, дополняются. Как утверждает У. Эко, «метафора может быть изобретена, потому что язык, в своем процессе неограниченного семиозиса, образует многомерную сеть метонимий, каждая из которых объясняется не столько природным, естественным сходством составляющих ее элементов, сколько условностями (конвенциями) данной культуры» [2, с. 136–137]. Возникновение той или иной метафоры согласовано с морфологией и динамикой данной культуры, иначе она попросту не могла бы возникнуть и, следовательно, восприниматься

ся. Культура предоставляет возможность целостного системного видения действительности посредством комплексного, тотального рассмотрения связей субстанциональных и функциональных элементов, поэтому метафора, как знаковая сторона культуры проявляет всеобщность этих связей.

Все культурно-исторические трансформации книги служат источником и причиной колебаний в символическом модусе ее бытия, который представляет собой удвоенное производное самого бытия. Последовательное моделирование его мышлением кодируется в форме книги как вещи, выражается в снятом виде и впоследствии репрезентируется им. Но книга сама есть часть бытия, она также мыслится, следовательно, как опредмеченное мышление должна включать в себя мысль о себе самой. Представление о книге в мышлении и есть ее символический модус, изменяющийся силой трансформаций, то есть непосредственно мышлением.

Трансформации книги и смена одного типа мышления другим служат основанием для выделения типических метафор. Для формы свитка и кодекса характерны метафоры, переносящие как раз формальное, вещное бытие книги. Текст в этих формах подавлен, организован ими, поэтому в метафорах, свойственных книге в форме свитка и кодекса, заложено такое основание подобия, которое проявляет субстанциональное единство мира – общий принцип смежности, сопредельности. Конгруэнтность внутренней организации книги уподобляемому объекту, сходство их частей, функций позволяют назвать такой тип метафоры книги классическим, то есть передающим характерное, типичное, образцовое в ее содержании. Классическая метафора книги открывает ее бытие во всеобщих связях – в системе культуры. В этом случае метафора как универсальная модель демонстрирует непосредственное сходство сопоставимых с книгой предметов. Образец книги, ее код, по которому культура ее идентифицирует, передается в классической метафоре, раскрывающей связь книги со всеми проявлениями культуры. К классическим относятся уже ставшие традиционными и устойчивыми метафоры: мир как книга, природа как книга, человек как книга, и обратные: книга как память, книга как история, книга как духовная пища, источник. Происхождение от предметной и текстовой сторон книги обусловливает удвоенную образную деривацию.

Символизм христианства производит основополагающую метафору всей культуры человечества в целом: книга мира, книга природы, книга бытия. Сознание Бога-автора вступает во взаимодействие с сознанием осуществленного мира на основании двустороннего подобия, зеркальности: «словно в живой книге, словно в зеркале, производящем формы, интеллект сам по себе вычитывает эти два рода правил и принципов, ибо живая собственная и единственная книга человеческого ума – это сам Создатель» [3, с. 320]. Подобие мира и книги в средневековом метафизическом символизме устроено в связи с текстуальностью, но и предметная сторона отражается в метафорах. Прежде всего, материальность книги и природы позволяет воспринимать их как знак, указывающий на идеальную сторону, и каждое конкретное физическое явление – как письменное. Единство универсума, расчлененное на части: небо, землю, животных, растения – сравнимо с произведением, которое прочитывается по составляющим его главам. Необходимость ориентации и осведомленности доводит вплоть до того, что конкретные явления мироздания почитались за буквы и числа (звезды, растения, цвета), это неминуемо приводило к желанию упорядочить и расположить «письмена» Вселенной, в связи с чем появляются примеры классификаций, перечислений и систематизаций в суммах, сборниках, травниках, цветниках. Ученый натурфилософ должен штудировать книгу природы: «Люди ищут истину в своих микрокосмах, а не во Вселенной. Ведь они отвергают азбуку природы и не желают, как школьники, учиться на божественных творениях. А если бы они поступали иначе, то может быть смогли бы шаг за шагом, постепенно переходя от простых букв к слогам, подняться до свободного чтения книги сущего. Они же, напротив, непрерывными усилиями ума настойчиво стремятся вызвать своего гения, дабы он пророчествовал и изрекал оракулы, которым они с удовольствием позволяют себя обманывать» [4, с. 119–120]. Изучение природы следует проводить сообразно самой природе, потому что человеческий ум определяется ей, являясь ее частью. Способность воспринять мир природы указывает на готовность прочитать божественный мир по образу материального. Манифестация природы как книги Бога в христианстве основана на ее закрытости, сокровенности в противовес открытому космосу язычества. Постижение книги связано с когнитивными концептами начального возникновения и завершенности, сводящимися к идее сотворенности и позволяющими судить о степени освоения содержания как книги, так и мира [5, с. 109–121]. Финитность книги или ее ограниченность точками начала и конца осуществлена и во времени (текстуально), и в пространстве (вещно). Бланшо пишет об этом следующим образом: «Время книги, определяемое отношением начало-конец (прошедшее-грядущее), исходя из некоего присутствия. Пространство книги, определяемое развертыванием, исходя из некоего центра, в свою очередь представляемого как поиск истока» [6, с. 134]. Движение в книге от начала к концу – это одновременно и движение к Началу. Творение Богом мира и его начало коррелируют с первым приближением к книге, восприятием ее вещности, последующим чтением и, наконец, приобщением к ее целостности. Проникновение в глубины тайн природы сродни преодолению пространства и време-

ни книжного тома по мере прочитывания книжных страниц, отдалением от условной точки отсчета и наступлением полноты знания, подобного библейскому «Исполнилась полнота времен», моменту, в котором мир подходит к концу. Достижение понимания книги (фактов, сюжета, композиции) возможно благодаря способности воспринимающего субъекта осмыслять и интерпретировать содержание, а значит проговаривать и толковать замысел автора. Изначальное положение книги, которое развертывается на ее протяжении, есть завершенность книги, открытой длительностью развертывания и сомкнутой по достижению законченности, целостности.

Пропозициональность в отношении сравниваемых объектов ведет к генезису новых подобий книги по смежности с предикатом «мир». Ориентация архаического человека в мире требовала соотносить данное понятие с собственным восприятием пространства, что означало, разграничивать и обживать чувственно-материальный космос, поэтому на освоенной части земли возводились жилищные постройки, учитывающие взаимодействие человека с миром. Подобная соизмеримость как микро- и макрокосма должно быть закодировано в обитаемом месте, следовательно все «традиционные формы и способы структурирования жилого пространства отражают устойчивый комплекс представлений, связанный в конечном счете с представлениями о строении мира, во-первых, и с механизмом ориентации в мире, во-вторых» [7, с. 126]. Термины зодчества распространены в книжной сфере: обложка и титульный лист как в здании обладают архитектоническими характеристиками, как портал или свод собора, иллюстрации подобно витражам в солнечный день расцвечивают страницы убористого почерка переписчика. Пространственно ограниченная с постоянной зафиксированной жесткой формой архитектурного сооружения, книга скрывает вечное «внутреннее» пространство мысли, как храм представляется домом для божества.

Архитектурные категории мира, такие как дом и храм, составляют с ним прагматическое тождество, которое возводится к общему источнику – человеку – второй устоявшейся метафоре в культуре. Человек сравнивается с книгой также по принципу смежности: он тоже располагает физическим телом и идеальной душой. Внутренним содержанием человека как книги могут быть когнитивные процессы: «жизненный мир», память, мысли. Наиболее общее понимание метафоры памяти как книги достигается Маклюэном, который приходит к выводу, что все медиа средства (способные передавать звуковую и визуальную информацию) – суть расширения тела в пространстве, а именно, нервной системы. Книга уничтожает время и пространство для информации, поскольку то, что на протяжении человеческой жизни фиксирует события – память – не прерывается, облачаясь в новую вещественность, опредмечиваясь и отделяясь от производящего сознания. Приспособленная запечатлевать и сохранять подобно памяти человека, книга просто фиксирует, но не оценивает, беспристрастно собирает и накапливает факты независимо от их качества. Однако, переплетение и наложение в душе человека личного опыта (мнения, убеждения, ценности, авторефлексии) и историографического материала (событий, фактов) удерживается в памяти подобно жанровым подразделениям книг: «Трудно отделить в своей памяти, что ты пережил, что сочинил, а что прочел в книгах, и поэтому, когда я вдруг слышу хриплый и скверный голос старика Карамазова, я уже не могу отличить, что именно я вспоминаю – выдуманное, прочитанное или подслушанное» [8]. Процесс освоения книги – чтение – носит чувственно-материальный характер, и первые мифологические примеры изображают буквальное причастие к плоти книги, вещественное смешение. Библейские пророки становились таковыми после того, как им было сказано съесть книгу, обрести послание внутри себя: «напитай чрево свое и наполни внутренности свои этим свитком» (Иез. 3:3), «И я подошел в Ангелу; и сказал ему: дай мне книжку. Он сказал мне: возьми и съешь ее; она будет горька во чреве твоем, но в устах твоих будет сладка как мед» (Откр. 10:9). Соматическое принятие книги сохранилось в повседневном языке в околокнижной лексике: проглотить книгу в значении быстро прочитать, читать запоем в значении временного сильного увлечения, переваривать информацию в значении усваивать, воспринимать, обдумывать. Ранние образы съедения книги имплицитно выражают метафору духовной пищи, поскольку «проглатывание» ее текста означает его ниспослание, обязывающее призвание в свете первостепенной неразрывности духовного и физического начал в человеке. Полученные знания оживают, раскрываются внутренне, (вос)питая и наполняя человека, поскольку он состоит из материального тела – оболочки, внешнего поверхностного слоя, подразумевающего наличие внутреннего ядра, который скрыт, следовательно защищен, но тем не менее функционирует подобно внешнему уровню благодаря нерасторжимости тела и души. Целостность тела и души обнаруживает общность функционирования, поэтому душа также нуждается в питании: «Что просвещает ум? Питает душу? – чтенье» [9, с. 664]. Метафора книга-пища сконструирована по смежности с идеальной, текстовой стороной книги, что позволяет описывать качественное содержание, оценивать его, интерпретировать, например, делить книги на полезные и вредные, приятные и отвратительные: «Есть книги, которые надо только отведать, есть такие, которые лучше всего проглотить, и лишь немногие стоит разжевать и переварить» [10, с. 468]. Негативные коннотации пищевой метафоры книги связаны с недостатком «питательности»,

«полезности», духовности и связаны с постепенным изменением значимости книги, поскольку секуляризируясь, она начинает вмещать в себя знание любого сорта, а не только сакральное.

Лингвистический поворот и семиотический принцип прочтения реальности и любого ее явления как текста переносят акцент с восприятия книги как книжного тома, замкнутого и автономного, на открытость, незавершенность текста, который не сдерживает материальная форма. Тем не менее культура, понимаемая как ставшее, нуждается в артефактах самоудостоверения и в механизмах их консервирования и накопления. Вырывающийся на пределы формы текст свидетельствует не только о технологическом прорыве в форме книги, но также говорит об изменении в социокультурной парадигме. Способ обихода культуры, как ее часть, обозначает границы самой культуры, ее возможности, поэтому появление новых способов (видов, форм, жанров) или их трансформация есть экстенсивный и интенсивный показатель культуры. Трансформации книги передают значения этого показателя, но не показатель жизнеспособности самой книги.

Новая образность книги, обусловливаемая изменением роли текста и типа мышления, репрезентирует еще одно состояние книги как символа, проявляя символический модус бытия книги в неклассических метафорах. Неклассическими метафорами следует считать те, которые не имеют прямой аналогии с формой книги или с типом мышления, задающим композицию книги как вещи. Такие метафоры построены на подобии текста. В связи с тем, что книжная форма становится неустойчивой по отношению к тексту, текст выходит за ее границы и теперь в электронной книге волен сам определять форму и себя и самой книги. Текстуальная или идеальная сторона книги обусловливает подвижный, динамичный, непространственный характер неклассических метафор.

Подвижной и динамичной метафорой книги можно считать лабиринт. Из периода античности он рассматривался как символическая модель универсума. В самом общем виде лабиринт представляет собой принцип движения в универсуме, структуру мироздания. Книга в форме свитка и кодекса также отвечает образу лабиринта, поскольку он является образом мира, и чтение таких книг подобно движению к центру лабиринта, то есть освоение пространства-текста. Однако Г. Керн предлагает разделять лабиринты на «критские» (labyrinth) и лабиринты-путаницы (maze), где последние представляются усложненным вариантом первого вида, так как дополняются ответвлениями, пересечениями и альтернативными развилками [11]. Телеологичность, неминуемая центричность и конечность «критского» вида лабиринта заменяется в лабиринте-путанице множественными и синхронными входами и выходами, децентрацией, которая приводит к устранению пределов лабиринта, границы размыкаются, и его взаимодействие с внешним пространством ничем не опосредуется, – лабиринт и наружная среда сливаются. Электронная книга как лабиринт смешивает пространство двух и более текстов внутри себя, а также пространство действительности, читаемой как текст. Может показаться, что «критский» лабиринт организует и упорядочивает универсум, а лабиринт-путаница, напротив, препятствует ориентации, однако, это не так. Хаотическое, не структурированное устройство электронной книги принципиально для довлеющего над ней текста, который стремится реализоваться, являясь потенцией, возможностью, не скованной жесткой формой: «И эта канва времен, которые сближаются, ветвятся, перекрещиваются или век за веком так и не соприкасаются, заключает в себе все мыслимые возможности» [12, с. 132]. Метафора лабиринта для книги актуализирует неустановленность, неопределенность ее текста, который Р. Барт называет многомерным пространством, «где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из них не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [13, с. 388]. Данное многомерное пространство лабиринта, как неклассической метафоры книги, также отображает всеобщие связи действительности, но на ином уровне – семантическом. Семиосфера внутри книги пользуется семиотическими способами связи – цитатами, для которых суть – интертекстуальность, имеющая эффект стереоскопии текстовых реальностей, взаимоотражающихся посредством знаков. Книга как лабиринт будит ощущение «незримого бесплотного роения» [14] из-за симультанного пребывания множества текстов в теле одной книги без «плоти». Характерное линейное, последовательное расположение частей в кодексе заменяется на единовременное совмещение прежде отделенных томов текстов в электронной книге: «Мелькиадес изложил семейные истории не в соответствии с условным человеческим временем, а до того сгустил повседневные события целого века, что они все соприкасались в какие-то моменты» [15, с. 476].

Книга как лабиринт не аморфна, она открыта, самоорганизуется. Восприятие книги как лабиринта-путаницы позволяет читателю самостоятельно прокладывать себе путь, без принуждения данной формы: «Зачем вводить какие-то новые способы чтения книг вместо одного-единственного, который, как жизнь, ведет нас от начала к концу, от рождения к смерти? Ответ прост: затем, что любой новый способ чтения книги, идущий наперекор течению времени, которое влечет нас к смерти, есть бесплодная, но достойная попытка человека воспротивиться своей неумолимой судьбе если не в реальности, то хотя бы в литературе» [16, с. 133]. Текст такой книги определяет форму книги, определяет самого читателя, этому тексту «надоело разглядывать чита-

телей подряд, подобно гусиной стае» [17]. Освобожденный от строгой формы текст предстает во всей самостийности, так как в форме свитка или кодекса, мы прежде текста книги видим и находимся под воздействие формы, и только после этого соприкасаемся с текстом. Электронная форма не репрессивно впускает в текст, а не в форму текста: «Не теряете ли вы самую жизнь, пытаясь ее упорядочить, не утрачиваете ли вы мир в своих усилиях привести его в порядок?» [18].

Творчество Х.Л. Борхеса последовательно демонстрирует рождение и развитие неклассической метафоры книги: в новелле «Стена и книги» описывает связь книги со стеной, как границей, пределом, разделением пространства, а затем в «Книге песка» преобразует полную, возведенную линию рубежа в нестабильную субстанцию – постоянно перемещающийся песок. Метафора песка претендует на статус программной в выражении символического модуса книги в ее электронном варианте, аналогично заглавиям концептуальных книг: древнеегипетской Книги Мертвых, древнекитайской Книги Перемен, в которых описываются аксиологические и гносеологические установки. Метафора песка предполагает бесконечное количество прочтений, интерпретаций, и эта бесконечность может быть и дурной, так как сталкивает с бездной: «Книга – порождение кошмара, невыносимая вещь, которая бесчестит и отрицает действительность» [19]. Бесконечность книжного пространства – это присущая Борхесу стратегия превращения мира в книгу: «письмо не описывает, не отражает мир, а вносит в него сознание» [20, с. 259].

И наконец, еще одна неклассическая метафора книги – сфера: «Мистики утверждают, что в экстазе им является шарообразная зала с огромной круглой книгой, бесконечный корешок которой проходит по стенам» [21]. Образ книги как сферы представляет ее совершенную форму, не имеющую начала и конца, тотальную, одновременную и всеобщую, текст без оболочки. Книга создается субъектом в акте выхода его за пределы себя и обретения им целостности, в том, что Деррида называет «округлой завершенностью яйца» [22, с. 119], которое еще не раскрыто, но уже является плодом. Метафора сферы отражает также замысел, мечту автора о совершенной форме, которая позволит встретить его текст сам по себе, поэтому автор «собирался сделать из своей книги стеклянный шар, в котором бы микро- и макрокосм слились в самоуничтожающем видении» [23, с. 41]. Книга как сфера может предоставить текст восприятию читателя синхронно и глобально. Сферичность позволяет «чисто пространственно установить возможность взаимоотноситься каждому очерку непосредственно с каждым – переходить одному в другой и обратно» [24]. Поскольку двухмерность свитка и кодекса не удовлетворяет искомой сферичности, метафора книга-сфера присуща электронной книге, которая осуществляет взаимоссылки и взаимодействие текстов внутри себя. Такое взаимодействие есть отражение движения книги как единого целого в пространстве и времени, движение текста в культуре, обмен с любыми носителями и формами, не только книжными.

Общими значениями для всех метафор книги, которые отражают колебания в символическом бытие книги, являются: казуальная взаимозависимость формы и содержания, то есть выделение в этой паре преобладающего начала; неделимость и неслиянность текста и книжной формы; структурный изоморфизм книги и ее метафоры; временная и пространственная характеристика книги, выражающаяся в метафоре.

Ссылки:

1. Лотман Ю.М. О семиотическом механизме // Семиосфера. СПб., 2000.
2. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2007.
3. Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века. М., 2004.
4. Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1971.
5. Мечковская Н.Б. Концепты «Начало» и «конец»: тождество, антиномия, асимметричность / отв. ред. Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.
6. Бланшо М. Отсутствие книги // Locus solus. Антология литературного авангарда XX века. СПб., 2006.
7. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
8. Зеркало [Видеозапись] / реж. Андрей Тарковский; Мосфильм. М., 1975.
9. Лотман Ю.М. Поэты 1790–1810-х гг. Л., 1997.
10. Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1972.
11. Керн Г. Лабиринт: основные принципы, гипотезы, интерпретации // Лабиринты мира. СПб., 2007.
12. Борхес Х.Л. Вымыслы. СПб., 2009.
13. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика; Поэтика. М., 1989.
14. Борхес Х.Л. Указ. соч. С. 131.
15. Маркес Г.Г. Сто лет одиночества. М., 2012.
16. Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем: роман для любителей кроссвордов. СПб., 2007.
17. Там же. С. 134.
18. Там же. С. 137.
19. Борхес Х.Л. Указ. соч. С. 408.
20. Дубин Б. Пространство под знаком лабиринта // Иностранная литература. 2005. № 10.
21. Борхес Х.Л. Указ. соч. С. 115.
22. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
23. Кортасар Х. Игра в классики. М.; Владимир, 2011.
24. Эйзенштейн С. Книга – шар. URL: http://www.ashtray.ru/main/round%20book.htm (дата обращения: 21.10.2013).

References:

1. Lotman, YM 2000, ‘On the semiotic mechanism’, *Semiosphere*, St. Petersburg.
2. Eco, U 2007, *The role of the reader. Studies in Semiotics text*, St. Petersburg.
3. Gilson, E 2004, *Philosophy in the Middle Ages: From the origins to the end of the patristic XIV century*, Moscow.
4. Bacon, F 1971, Works, in 2 vols, vol. 1, Moscow.
5. Mechkovskaya, NB & Arutyunova, ND (ed.) 2002, ‘Concepts "The Beginning" and "end": identity, antinomy, asymmetry’, *Logical Analysis of Language. The semantics of the start and end*, Moscow.
6. Blanchot, M 2006, ‘Lack books’, *Locus solus. Anthology of literary avant-garde of the XX century*, St. Petersburg.
7. Baiburin, AK 1983, *Residence in the rites and beliefs of Eastern Slavs*, Leningrad.
8. Tarkovsky, A. 1975, ‘Mirror [Video]’, *Mosfilm*, Moscow.
9. Lotman, YM 1997, *Poets 1790-1810-ies*, Leningrad.
10. Bacon, F 1972, Works, in 2 vols, vol. 2, Moscow.
11. Kern, G 2007, ‘Labyrinth: basic principles, hypotheses, interpreting, *Labyrinths world*, St. Petersburg.
12. Borges, JL 2009, *Fictions*, St. Petersburg.
13. Bart, R 1989, ‘Death of the author’, *Selected Works: Semiotics; Poetics*, Moscow.
14. Borges, JL 2009, *Fictions*, St. Petersburg, p. 131.
15. Marquez, GG 2012, *One Hundred Years of Solitude*, Moscow.
16. Pavic, M 2007, *Landscape painted tea: a novel puzzle lovers*, St. Petersburg.
17. Pavic, M 2007, *Landscape painted tea: a novel puzzle lovers*, St. Petersburg, p. 134.
18. Pavic, M 2007, *Landscape painted tea: a novel puzzle lovers*, St. Petersburg, p. 137.
19. Borges, JL 2009, *Fictions*, St. Petersburg, p. 408.
20. Dubin, B 2005, ‘Space under the sign of the maze’, *Foreign Literature*, no. 10.
21. Borges, JL 2009, *Fictions*, St. Petersburg, p. 115.
22. Derrida, J 2000, *Writing and difference*, Moscow.
23. Cortazar, J 2011, *Hopscotch*, Moscow, Vladimir.
24. Eisenstein, S 2013, *The book - the ball*, retrieved 21 October 2013, <http://www.ashtray.ru/main/round% 20book.htm>.